

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ПРЕМЬЕРА

Просто цирк

Театр-Театр презентовал очередной эксцентрический мюзикл

Юлия Баталина

Программку спектакля «На всякого мудреца довольно простоты» предваряет анонс: «Я соловей, и, кроме песен, нет пользы от меня иной. Я так бессмысленно чудесен, что смысл склонился предо мной...» Казалось бы, при чём тут Игорь Северянин, если спектакль — по мотивам Александра Островского? Думается, авторы спектакля нашли изящный способ «на пороге» сообщить зрителю, что искать в спектакле смысл лучше и не пытаться.

Авторам мюзикла — композитору Лоре Квинт, поэту Николаю Денисову и режиссёру Борису Мильграму — стоило бы подумать о новом названии спектакля. «На всякого мудреца довольно простоты» — это уж слишком громоздко, да и публику не на тот лад настраивает. От пьесы Островского в тексте осталось, наверное, меньше, чем «рожки да ножки». Даже удивительно, что из этого набора вокальных номеров и цирковой эксцентрики, разбавленных отрывистыми диалогами, всё же вырисовывается вполне чёткий сюжет!

Как и в пьесе-оригинале, молодой человек Егор Дмитриевич Глумов путём нехитрых манипуляций втирается в доверие к «столпам общества» с целью устроить себе карьеру, да и выгодную женитьбу заодно. Все свои траты он записывает в специальный дневничок, где скрупулёзно помечает, сколько, кому и за что заплатил, а также выдаёт нелестные характеристики всем тем, кому так льстит в глаза. Дневничок, само собой, оказывается обнаружен, Глумов разоблачён, но не теряется, а умудряется внушить господам, что он им ещё пригодится.

Надо признать, что с текстом пьесы авторы поступили хоть и волюнтаристски, но вдумчиво: все самые «вкусные» фразы первоисточника сохранены и броско отыграны актёрами, а тексты песен временами отрадно остроумны. Не надо, впрочем, ждать от текста, а тем более музыки чего-то выдающегося: театр ставил водевиль, а для этого жанра нужны не арии, а немудрящие куплеты. Они и звучат.

Лора Квинт, у которой уже были некие заготовки музыки для этого сюжета, предоставила довольно сырой материал, и музыкальный руководитель театра Татьяна Виноградова отменно с ним поработала. Некоторые аранжировки, правда, уж слишком эстрадные, «запили» электрогитар порой звучат диссонансом общей эстетике. Зато очень на месте баян (бодрое исполнение Александра Соснова) и балалайка в руках Дмитрия Заякина. Они не только вносят нотки русской архаики, но и «жгут» вполне по-современному.

С вокалом дела обстоят похуже: из «голосистых» актёров труппы в спектакле заняты лишь Евгения Барашкова и Альберт Макаров, о которых нужен отдельный разговор, с остальными Виноградова поступила разумно: если они не могут петь по-настоящему, пусть и не пытаются, главное, чтобы не фальшивили.

Словом, музыкальной роскоши новый мюзикл зрителям не дарит. Зато присутствует роскошь визуальная! Как и обещал в своём интервью «Новому компаньону» художник спектакля Виктор Шилькрот, первое и второе действие представляют собой два разных мира. В первом действии сцена уставлена ширмами, разными по форме и величине, но одинаково серыми; впрочем, иногда оборотная сторона ширмы оказывается приятно пёстренькой, как набивной русский ситчик. В этой сценической «инсталляции» многое читается: здесь и намёк на театральность, условность всего происходящего, и указание на то, что дела проворачиваются и карьеры строятся в основном в спальнях и будуарах.

Во втором действии на сцене настоящая инсталляция: в сложносочинённой конструкции Шилькрот объединил дворец с цирком — здесь и ампирные изогнутые линии, и фривольные репродукции Антуана Ватто, и нечто вроде циркового зала с высокими рядами сидений и лестницами, с оркестром на возвышении, под самым «куполом».

Цирк для постановщика Бориса Мильграма принципиально важен: это его главная фишка. Весь вечер — так и хочется сказать «на арене» — фокусники, жонглёры и акробаты. Городулин в исполнении Альберта Макарова выезжает на

сцену на велосипеде, Егор Курчаев предстаёт в двух лицах — «рыжем» и «белом», в кульминационный момент героя засыпают серпантинном... Театр-Театр показывает цирк-цирк!

Вся эта веселуха особенно броско расцветает во втором действии, а с первым всё не так радостно: оно и вяловатое, и затянутое, и шутки в нём порой на грани дурного вкуса. Публика реагирует соответственно: в зале раздаются лишь отдельные смешки, а аплодисменты сопровождают лишь особенно удачные выходы.

Таковых выходов два. Альберт Макаров хорошо смотрится и активно будит задремавшую публику не только из-за огромного велосипеда и необъятных усов, но и благодаря внутренней динамике, особой актёрской энергии, которая делает его органичным в предложенных постановщиком, прямо скажем, непростых обстоятельствах — он и шут гороховый, и деловой человек, чиновник; и персонаж времён Островского, и современный ироничный наблюдатель.

Что же касается Евгении Барашковой в роли гадалки Манефы, то это просто праздник какой-то, фейерверк актёрского мастерства! Изумительное владение голосом — не только певческим, но и просто голосом: с таким умением его менять, думается, актриса могла бы сделать карьеру пранкера. Смелая, эксцентричная, почти клоунская мимика. Умение создать цельный, энергичный характер в коротком эпизоде... Словом, можно идти смотреть только на Барашкову, это её бенефис!

Оба появления Манефы на сцене выглядят как вставные номера, так игра Барашковой выделяется на общей ткани спектакля. Да и оформлены они соответственно: Манефу сопровождает бодрая

«подтанцовка» в исполнении студентов целевого курса Пермского института культуры, которые вообще очень украшают спектакль, выступая в качестве масок.

Говоря честно, хороших актёрских работ в спектакле немало, собственноручно, все центральные герои — и Мамаев (Сергей Семериков), и его супруга (Наталья Макарова), и Крутицкий (Михаил Гасенегер) — отторжения не вызывают. Особенно хочется аплодировать дамскому дуэту Турусиной (Елена Старостина) и её племянницы Машеньки (Юлия Захаркина) — обе вовсю валяют дурака, но строго в рамках сценического образа.

Им помогают остроумные костюмы Ирэны Белоусовой, острохарактерные, с намёком на ретро, но без стремления к назойливой «исторической правде».

Всё это, увы, не касается главного героя. Сергей Детков в роли Глумова говорит почему-то подчёркнуто по-пермски, в самом «низовом», «пацанском» варианте этого говора. Возможно, актёр и постановщик хотели тем самым подчеркнуть, что Глумов — парвеню, этакий трамвайный хам, рвущийся в верха, но звучит это так, как будто актёру просто лень было осваивать литературную речь. С «цирковыми» номерами Деткову не повезло — для него их не придумали, что касается пения — это не его козырь. Словом, вульгарное просторечие — единственное, чем популярный исполнитель роли географа Служкина блещет в новом спектакле.

Очередной мюзикл Бориса Мильграма — спектакль весьма неровный, распадающийся на отдельные номера и прочие составляющие. Что ж, если уж зритель идёт в цирк, то он и должен ждать дивертисмента. Или, говоря по-цирковому, реву.

ФОТО АЛЕКСЕЙ ГУЩИН

